

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА ВЫБОР СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ОБЩЕНИИ С ГЛУХИМИ

Арский А.А.

Введение. Язык – это не только система фонетических, лексических, графических и т.д. единиц, объединённых общепринятыми среди его образованных носителей правилами, но и образ мышления: вспомним труды Вильгельма фон Гумбольдта о взаимосвязи языка и духа народа [6]. Поэтому люди, лишенные слуха – одного из важнейших каналов получения информации в процессе коммуникации, чувствуют себя в обществе слышащих (примеч.: «говорящих», по терминологии глухих) некомфортно: все, окружающее их, создано или приспособлено под возможности, потребности и ментальные особенности местного большинства, включая языковую систему. Поэтому принятие Федерального закона «О социальной защите инвалидов Российской Федерации» [3] было крайне необходимым, хотя и основательно запоздавшим шагом. Следующим шагом стало принятие соответствующих решений в профильных организациях, в частности Приказ Министерства внутренних дел № 681/587 от 15 июня 2015 года «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел российской Федерации» [1], вступивший в силу 1 января 2016 года. В соответствии с данным Приказом, образовательные организации системы МВД России постепенно обеспечили необходимую соответствующую профессиональную подготовку преподавателей и введение в учебный процесс дисциплины «Основы русского жестового языка» (примеч.: название указано в редакции 2019 года в соответствии с обновленной примерной учебной программой дисциплины). Преподаватели новой дисциплины, прежде всего филологии по своему

базовому высшему образованию, оказались в непростой ситуации ввиду отсутствия как необходимых знаний, так и соответствующего методического обеспечения. В настоящее время дисциплина в большинстве образовательных организаций системы МВД России обеспечена необходимым кадровым составом. Однако на создание необходимого методического обеспечения потребуется еще много времени и усилий. Публикация учебного пособия «Теория и практика русского жестового языка» [9], сориентированного на обучение сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, стала существенным вкладом в решение упомянутой проблемы, но, на наш взгляд, изложенный в нем материал (800 жестов) выходит далеко за рамки временных параметров, заложенных в учебной программе соответствующей дисциплины. Следовательно, работа по оптимизации методического обеспечения должна быть продолжена. А сотрудники полиции, изучающие основы русского жестового языка, должны за отведенное крайне ограниченное учебной программой время получить оптимальный набор знаний языкового и неязыкового характера для общения с глухими гражданами.

Методы и организация исследования. Для достижения поставленной цели были использованы анализ и обобщение нормативно-правовой, научно-методической и специальной литературы.

Результаты и их обсуждение. При формировании дидактического материала для дисциплины «Основы русского жестового языка», введенной в образовательных организациях системы МВД России, необходимо учитывать целый ряд базовых факторов, основными из которых являются:

- сочетание в русском жестовом языке двух основных видов передачи информации: дактиля (примеч.: пальцевой азбуки) и собственно жестики;

- необходимость идентификации вида глухоты реципиента и особенностей его речевых компетенций в первой фазе коммуникативного контакта;

- сохраняющееся отсутствие единого варианта русского жестового языка;

- осязаемая ограниченность во времени, выделяемом на совместную работу преподавателя и обучающихся.

Следует отметить, что поиск оптимального набора как бытовых, так и профессионально ориентированных жестов и жестовых фраз происходит не только при подготовке преподавателя к занятиям, но и при общении с обучающимися сотрудниками полиции во время учебной деятельности по дисциплине. Ответы на задаваемые обучающимися вопросы, обусловленные, прежде всего, трудностями выбора наиболее оптимальных коммуникативных средств при общении сотрудников полиции с глухими, и стали основой для настоящего исследования.

Следует отметить, что глухих, в частности в Российской Федерации, намного больше, чем официально зарегистрировано. Причины сложности ведения подобной статистики разные: от нежелания признаваться себя не таким, как все, до принадлежности к неблагополучным семьям. По некоторым данным той или иной степенью слуховой дисфункции отличается каждый десятый человек, т.е. приблизительно 10% населения. Увеличение числа подобных людей было, в частности, спровоцировано подписанием Россией в 2012 году Конвенции ООН и регистрацией в Министерстве юстиции соответствующего Приказа Министерства образования [2] об обязательном выхаживании младенцев весом от 500 г. С одной стороны – гуманное решение, а с другой – 95% из них, согласно врачебной статистике, становятся инвалидами по зрению, слуху, опорно-двигательной системы, умственно отсталыми людьми и т.д. Ситуация усложняется еще и отсутствием грамотной государственной политики,

направленной на социализацию людей с ограниченными возможностями. Например, в начале 90-х были упразднены прежние возможности для тех же глухих по трудоустройству на предприятиях: теперь они не имеют права быть токарями, фрезеровщиками, швеями-мотористами, столярами и т.д., хотя по статистике как раз среди глухих представителей этих профессий не было в советское время ни одной производственной травмы. Как итог получаем, в том числе, преступные группировки, состоящие из глухих. Морального тормоза «Продавать наркотики – это плохо, т.к. люди умирают» для них нет, поскольку они винят в своей неустроенности государство. Получается замкнутый круг. В частности, в местах лишения свободы инвалидов по слуху (примеч.: имеется в виду только 3-й вид) никак не дифференцируют от других заключенных, что существенно усугубляет тяжесть наказания. Поэтому и государственной власти, и представителям профессий, которые предполагают постоянный контакт с населением, и рядовым гражданам, и самим глухим, следует попытаться понять друг друга, услышать противоположную точку зрения. Если глухой человек почувствует к себе уважительное отношение, даже на уровне попытки заговорить с ним на жестовом языке, то он в большинстве случаев ответит готовностью идти на доброжелательный контакт. Однако при общении с глухим слышащему, в том числе и сотруднику полиции, необходимо учитывать не только особенности психики, менталитета, активность жестикуляции, уровень владения дактильной системой и русским жестовым языком, но и, как правило, небольшой словарный запас реципиента. Если в картотеке Института языкознания собрано 7 миллионов русских слов, только имён нарицательных с буквой «ё» – 10 тысяч, то словарный запас русского жестового языка (примеч.: далее – РЖЯ) – 10–12 тысяч обозначаемых понятий, эквивалентных словесному языку, но это уровень редко встречающихся очень образованных глухих, как правило из категории позднооглохших. Однако не исключено, что

и это сильно завышенные цифры. Словарь автора самого известного словаря РЖЯ, И.Ф. Гейльмана, насчитывает 3 тысячи наиболее употребимых лексем [5]. На наш взгляд, с учетом профессиональных слов, наберется 5 тысяч, остальное компенсируется в речи дактилизированием. Необходимый же минимум для повседневного общения – это всего 600-800 жестов. В частности, на небольшой словарный запас в некоторых случаях неправомерно ссылаются глухие, оправдывая таким образом нарушение ими закона, незнание которого, как известно, не избавляет от ответственности. Но даже если речь идет не о риторических уловках, глухой действительно не всегда правильно понимает по губам образованного слышащего, как бы ему четко не артикулировали произносимое. К тому же процесс считывания с губ происходит у глухого намного медленней, чем у слышащего человека понимание голосовой речи. Это можно в ряде случаев сравнить со старческой деменцией – когда тебя вроде понимают, но отвечают невпопад, т.е. совсем не то, что участник речевого акта хочешь услышать в ответ: «Который час?» – «Да, похолодало». Поэтому если глухой даже на вопрос того же сотрудника полиции: «Понял ли он?» – кивнет утвердительно, нелишним будет переспросить его – что он понял на самом деле. Кивнуть он мог просто, чтобы не показаться глупым, или, полагая, что правильно интерпретировал считанные по губам слова.

Поток информации, которые получают глухие из окружающего мира, идет в большем объеме через оставшиеся в их распоряжении информационные каналы: зрение, тактильные ощущения, обоняние, ощущение вибраций. Поэтому они намного больше придают значения, например, мимике лица и жестам. Человек, не имеющий проблем со слухом, не жестикулирует так активно и не пользуется такой ярко выраженной мимикой. Это, в частности, необходимо учитывать сотрудникам полиции, вступающим в контакт с глухими: активные

движения, мычание и т.д. могут означать вовсе не агрессию, а дискомфорт от невозможности что-то объяснить, страх – от непонимания требований, предъявляемых ему полицейскими, и просто желание что-то доходчиво объяснить имеющимися ограниченными языковыми средствами в состоянии сильного волнения. Глухим бесполезно кричать в спину: «Стой: стрелять буду!» Привлечь их внимание приходится другими способами. Допустим, в зале, наполненном глухими, нужно провести эвакуацию из-за угрозы обрушения потолка. Для привлечения внимания, как варианты, можно сильно топнуть по полу – вибрация привлечет внимание – или начать усиленно размахивать руками, мигать светом и т.п. А далее уже следует обрисовать жестами необходимость срочно покинуть помещение и направление движения.

Еще одной проблемой слышащего, возникающей уже при первичном контакте с незнакомым глухим, является незнание степени глухоты реципиента и компенсировано ли это, допустим, имеющимся слуховым аппаратом. В худшем случае неподготовленный слышащий не имеет вообще никакого представления о необходимости дифференциации типа нарушения слуха. Следует отметить, что слово «глухонемой» многие глухие в последние годы стали воспринимать как оскорбительное, в отдельных случаях это может даже привести к судебным разбирательствам, поскольку немые они вовсе не являются, хотя зачастую их речь и не отличается привычной для слышащего членораздельностью. Правильнее говорить: «Люди с ограниченными слуховыми возможностями», «люди с нарушением слуха», «неслышащие». Слово «глухие» – это просторечное обобщение людей с разными дисфункциями слуха. Следует отметить, что термин «глухонемой» все-таки никто не отменял, но в настоящее время он используется только в специализированной литературе, хотя по мере резкого снижения уровня грамотности глухих среди них действительно появилось много

глухонемых, т.е. людей, не умеющих разговаривать на более-менее привычном для слышащих языке.

В зависимости от типа нарушения слуха глухие условно делятся на отдельные категории: одни считают русский жестовый язык своим родным языком, другие используют его как вспомогательное средство общения, а третьи владеют им лишь на самом примитивном уровне, продолжая изъясняться привычным для слышащих речевым способом, хоть и сильно искаженным. Между собой указанные категории людей, имеющих проблемы со слухом, тоже мало пересекаются, замыкаясь в мире себе подобных. То же касается и уровня владения дактильной речью; в этом смысле у глухих есть свои, условно говоря, «грамотные» и «неграмотные». Знание этих особенностей необходимо для выбора способа общения с подобной категорией граждан, в частности сотрудниками правоохранительных органов.

Итак, обобщенно выделяют три категории глухих:

- 1) глухие (как правило, с рождения);
- 2) слабослышащие (частично потерявшие слух после формирования речевой функции);
- 3) позднооглохшие (потерявшие слух в значительно возрасте) [4].

1. «Глухие с рождения» – это люди, потерявшие слух до формирования речевой функции, т.е. до трёх лет. Это самый сложный случай, поскольку 70% базовой информации о мире человек получает как раз в этот период. Остальные 30% он получает всю оставшуюся жизнь. Не зря именно в младенчестве и проводят обряд крещения в большинстве христианских церквей, а в синагогах и мечетях – обрезания. Казалось бы, ребенок еще находится частично в мире бессознательного, но его базовая кодировка происходит именно в детстве, поэтому и говорится: «Впитать с молоком матери», т.е. быть таким по своей урочденной сути, по генетической предрасположенности, по образцу рода и т.д. В частности,

врачебная практика показывает, что все люди рождаются со слухом, но у некоторых из них в течение недели, месяца, года, нескольких лет происходит его полная или частичная потеря; это не считая получивших со временем эту дисфункцию как результат осложнения после болезни или последствия травмы [7]. Хорошо, если родители тоже глухие: ребенок будет получать достаточно информации о мире, коммуникация с родителями будет полноценной. А вот если родители слышащие и при этом до последнего не верят в неизлечимость глухоты своего ребенка, пытаясь общаться с ним обычным способом, но с более выраженной артикуляцией и стандартной жестикуляцией, то потом получаются дети крайне невысокого образовательного уровня, не готовые к социализации. Такие родители безвозвратно теряют время, упущенную возможность раннего воспитания и образования потом почти невозможно компенсировать.

2. Вторая категория глухоты – слабослышащие, частично потерявшие слух уже после формирования речевой функции. В частности, именно такие дети в последствие, несмотря на глухоту, более-менее четко артикулируют речь, т.е. говорят на понятном для слышащих языке. В этой категории различают два типа: 1) сохраняется остаточный слух речевого значения, 2) сохраняется остаточный слух неречевого значения. Чтобы пояснить сказанное, попробуем представить себе струны, натянутые внутри рояля для воспроизведения отдельных нот. Допустим, мы имеем дело с подобным инструментом, в котором на каждую ноту выделены сразу три струны. Теперь посчитаем: полноразмерная фортепьянная клавиатура – 99 клавиш, умножаем на три струны на каждую и получаем 297 струн. Теперь предположим, что от неправильного натяжения струны начали хаотично рваться, исключая из звукового диапазона определенные частоты и тембры и до неузнаваемости искажая мелодию. При этом следует иметь в виду, неречевые (например, музыкальные) звуки и чисто

речевые используют разные частотные диапазоны, поэтому некоторые слабослышащие сохраняют возможность немного слышать музыку и даже обучаться игре на определенных музыкальных инструментах (прежде всего, ударных; в частности, обучение музыке очень дисциплинирует слух), танцам и т.п., но не различают речь, а другие – немного различают не только музыку, но и речь. Вследствие этого слуховые устройства для глухих требуют тонкой настройки по определенным частотам, как хороший эквалайзер.

3. Третья категория глухих – это люди, потерявшие слух уже много позже срока формирования речевой функции, например, в результате тяжелой контузии, в результате воздействия некоторых медицинских препаратов, в результате некоторых заболеваний и т.п. У таких людей родным языком остается обычный вербальный язык, требующий устного воспроизведения слов. Говорить они будут не так четко, как прежде, но говорить будут.

Каждой из вышеперечисленных групп людей соответствуют определенные коммуникативные возможности, что необходимо принимать во внимание уже на начальном этапе речевого взаимодействия с ними. Этот фактор должен учитываться и при преподавании-изучении РЖЯ, поскольку в общении с глухим слышащему человеку необходимо делать акцент именно на те коммуникативные средства РЖЯ, которые для конкретного реципиента будут понятными. Речь идет, в первую очередь, об обобщенном делении средства РЖЯ на две категории:

1) русскоязычный дактиль (дактилология, пальцевая азбука, а не вид стихотворного размера), позволяющий пальцами и движениями кисти руки воспроизводить все буквы существующего алфавита соответствующего языка. Им пользуются чаще для обозначения новых слов, не получивших еще своих жестов-эквивалентов, или для побуквенного написания при помощи жестов имен собственных.

В остальных случаях это используется только людьми, не владеющими РЖЯ в процессе коммуникации с глухими, но конечно это выглядит также неуклюже, как попытка написать иностранные слова методом транслитерации, т.е. русскими буквами и по фонетическим правилам русского языка;

2) собственно русский жестовый язык (РЖЯ), который, в свою очередь, делится на несколько функционально-стилистических подкатегории:

а) литературно-художественная жестовая речь (ЛЖР) – это высший уровень, свойственный образованным, культурным людям, в совершенстве владеющим РЖЯ. К сожалению, даже этот уровень до сих пор не отличается единообразием на всей территории России, как это характерно для вербального литературного русского языка, однако это вопрос времени, усилий специалистов, а также распространенности и доступности унифицированного перевода в виде тех же субтитров в новостных выпусках и фильмах. Серьезным подспорьем в деле унификации, несомненно, станет принятие единого письменного варианта РЖЯ, который до сих пор еще формируется;

б) официально-деловая жестовая речь (ОЖР) – этот соответствующий названию уровень общения, свойственный деловой обстановке. Именно на его овладение должны быть направлены учебные программы курсов подготовки по РЖЯ сотрудников полиции и МЧС, врачей и т.д.;

в) калькирующая жестовая речь (КЖР) – это когда новички пытаются полностью воспроизвести языком жестов привычную им речь, не учитывая отсутствие в РЖЯ предлогов, падежей и некоторых других языковых средств современного русского языка;

г) разговорная жестовая речь (РЖР), свойственная бытовому общению, не всегда отличающийся высокой культурой, поэтому его

низшей формой можно назвать и вульгаризмы, и маты. РЖР характеризуется использованием жестовых жаргонизмов и диалектизмов:

– жаргонная РЖР – этот уровень характерен для людей, связанных определенным видом деятельности, поэтому здесь подразумеваются как особенности системы жестов распространенных среди, например, спортсменов, так и системы жестов криминального мира, так называемого «арго»;

– региональная, диалектная РЖР, отличающаяся, как правило, ограниченным ареалом распространения.

Перечисленные виды РЖЯ, конечно, являются условными, и в некоторых ситуациях, например в процессе судебного разбирательства с участием глухих, используется смесь перечисленных стилистических вариантов РЖЯ, но для подобных случаев обязательным является приглашение сертифицированного сурдопереводчика. Перевод, осуществляемый, например сотрудником правоохранительных органов, даже прошедшим соответствующую профессиональную подготовку, но не имеющего сертификата сурдопереводчика, при любом судебном разбирательстве не будет иметь юридическую силу. Однако этот факт вовсе не умаляет ценность обучения сотрудников полиции русскому жестовому языку в рамках краткосрочных курсов: даже владение основами РЖЯ позволит в большинстве случаев не только установить контакт с глухим, но и передать ему необходимую информацию, предупредить или прекратить совершение правонарушения, оказать первую помощь и т.д. В частности, среди других видов коммуникации слышащих с глухими нельзя не упомянуть возможности письменной речи [8]. Правда, по сравнению с жестовым языком, дактилем и чтением с губ письменная форма речи требует больше времени и использования письменных принадлежностей. Это надежный вид коммуникации, особенно подходящий в случае отсутствия у сотрудника полиции знания

основ РЖЯ. И немаловажен тот юридический аспект, что даже простая записка глухого признается «собственноручно написанным документом», и соответственно, будет иметь силу при вынесении гипотетического судебного решения даже без факта привлечения к конкретной коммуникативной ситуации вышеупомянутого сурдопереводчика.

Заключение. Область использования итоговых материалов данной научно-исследовательской работы – учебный процесс по дисциплине «Основы русского жестового языка» в образовательных организациях системы МВД России. Изложенные данные могут помочь преподавателю упомянутой дисциплины эффективнее организовать работу по формированию индивидуального набора дидактического материала и, как следствие, обеспечить более высокий уровень подготовленности обучающихся к коммуникации с глухими гражданами.

Список литературы.

1. Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел российской Федерации : Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15.06.2015 № 681/587.

2. О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи : Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27.12.2011 № 1687.

3. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ – Действующая редакция от 29.06.2015.

4. Богданова Т.Г. Сурдопсихология : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Т.Г. Богданова. – М.: Академия, 2002. – 203 с.

5. Гейльман И.Ф. Словарь жестового языка [Текст] : [в 2-х томах] / И.Ф. Гейльман. – 2-е изд. перераб. и доп. – СПб.: Прана. – 2004. – 784 с.

6. Звегинцев В.А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта / В.А. Звегинцев // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 356-363.

7. Камнева В.П. Русский жестовый язык : учеб.-практ. пособие / В.П. Камнева, А.А. Константинова, О.Ю. Полонская – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2016. – 134 с.

8. Крайнин В. Человек не слышит / В. Крайнин, З. Крайнина. – М.: Знание, 1984. – 144 с.

9. Теория и практика русского жестового языка: учебное пособие / С.Э. Валдавина и др.; МВД России Департамент государственной службы и кадров. – М.: ДГСК МВД России, 2018. – 188 с.

Сведения об авторе:

Арский Александр Адольфович, кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных и русского языков

Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел

Российской Федерации, г. Красноярск

arski7@yandex.ru